

существовавшие прекрасно проводили время, однако реальной помощи Сергей не ощущал и со временем стал глухо ворчать. Ни привлечь «спонсоров», ни выйти «на международную арену» не получалось.

Правда, интерес к журналу проявили поляки. В то время при польском посольстве кипела культурная жизнь: действовал Польский институт, который возглавлял амбициозный пан И. Граля, функционировало постоянное представительство Польской академии наук при РАН. Сотрудничество с Гралей у Секиринского не сложилось, зато атташе по культуре помог организовать выступление на вечере журнала режиссёра К. Занусси. К этому был приурочен особый «польский» номер, включавший статьи известных историков обеих стран. Впрочем, никакой ощутимой пользы, кроме приглашения на приёмы в посольстве, Сергею это не принесло. С поляками вообще случались казусы. Так, будучи демократом по убеждениям, Секиринский пригласил на один из вечеров проживавшего в России ветерана «Солидарности» М. Вилька — автора книги о русском Севере «Волок», а тот, недолго думая, достаточно злобно осудил политику правившего тогда в Польше режима, «пришедшего к власти на плечах рабочего класса» и «этот рабочий класс угробившего». Часть собравшихся, желавших услышать несколько иные вещи, немного сконфузилась. Тем не менее презентация «Волока» прошла в тот день с большим успехом.

К 2008 г. Сергей стал уставать. Между ним и издателем давно нарастало недопонимание. В конечном итоге оно вылилось в конфликт, и журнал был закрыт. Это вызвало шок у публики, продолжавшей и после этого собираться на полюбившиеся вечера. Но Секиринский действительно хотел отдохнуть, и в 2011 г. даже покинул редакцию «Российской истории», сосредоточившись на научной работе в ИРИ РАН. Однако, когда год спустя Медушевский ушёл с поста главного редактора, общественность и новая дирекция Института единодушно желали видеть на освободившемся месте только Сергея Сергеевича. Его выдвижение превратилось в триумф с дифирамбами и поздравлениями (чего стоила одна только яркая речь С.В. Тютюкина). Сам же Секиринский, согласившись, радости не испытывал, поскольку понимал, что журнал ждёт непростые времена. Чувство ответственности и осознание масштаба проблем, решения которых все от него ждут, подрывали его здоровье. Вскоре последовала скоропостижная кончина. Большинство людей так и не поняли, какой чудовищной ценой давались ему его успехи и огромная популярность.

Дмитрий Рублев: Либеральные традиции и оригинальное творчество
Dmitry Rublev (Lomonosov Moscow State University, Russia):
Liberal traditions and original creativity

DOI: 10.31857/S2949124X25020128, EDN: DQKRRC

На дворе осень 2000 г. Студенты II курса исторического факультета МГПУ обсуждают на семинаре по истории России биографию и идеи «неистового Виссариона», анализируют его легендарное письмо Н.В. Гоголю. Наш преподаватель, О.С. Кравченко, читает вслух выдержки из работы С.С. Секиринского. Так я впервые услышал фамилию своего будущего научного руководителя. В памяти осталось и сказанное тогда о нём: молодой и очень интересный автор

совершенно по-новому рассматривает творчество В.Г. Белинского и других героев наших семинаров, очень много писал, печатался и лишь недавно защитил докторскую диссертацию.

Труды Секиринского снова и снова появлялись на моём студенческом пути. Двухтомный коллективный труд «Наше Отечество. Опыт политической истории» стал одной из настольных книг, по которым мы готовились к семинарским занятиям. Сыграло свою роль и увлечение историей русской общественной мысли, каждый день демонстрировавшей свою актуальность при осмыслении реалий повседневной жизни. Были прочитаны и «Родословная российской свободы», и «Либерализм в России. Очерки истории (середина XIX — начало XX в.)»²⁶. Ко времени, когда я окончил университет, Сергей Сергеевич принадлежал к числу наиболее почитаемых мною историков общественно-политической жизни России, таких как В.Я. Гросул, Б.С. Итенберг, А.А. Левандовский, Н.М. Пирумова, Н.А. Троицкий, С.В. Тютюкин, Н.И. Цимбаев, В.В. Шелохаев, Н.Я. Эйдельман.

Это обстоятельство сыграло свою роль, когда пришло время выбирать аспирантуру и научного руководителя. Я узнал, что мой друг, учившийся в Государственном университете гуманитарных наук (ныне — Государственный академический университет гуманитарных наук), работает над кандидатской диссертацией под руководством Секиринского. А.В. Шубин, читавший мои первые статьи и очень помогавший советами, рекомендовал меня Сергею Сергеевичу. И вскоре, в мае 2003 г., в одной из комнат редакции журнала «Отечественная история», в здании Института российской истории РАН состоялась наша первая беседа.

Меня встретил высокий широкоплечий человек с весёлым, ироничным огоньком в глазах. Сергей Сергеевич легко входил в контакт с собеседником благодаря живой, раскованной манере общения. Из первого же разговора я многое узнал о нём как о человеке. Стараясь прямо и открыто выражать свою моральную и исследовательскую позицию, Секиринский не был догматиком, слепо преданным тем или иным политическим идеям, научным концепциям или людям. Его рассуждения на исторические темы изобиловали оригинальными поворотами, парадоксами и самыми неожиданными примерами, особенно — из русской литературы. Будучи подвижным, темпераментным, импульсивным, но отходчивым человеком, он порою вспыхивал, раздражаясь, но, как ярко выраженный сангвиник, довольно быстро остывал. Саркастические, изредка резкие, но не грубые, не оскорбительные для собеседника, замечания сочетались у него с доброжелательным, уважительным отношением к другому человеку, его индивидуальности, интеллектуальным интересам. Думается, здесь сыграли свою роль не только характер, воспитание, среда, но и соприкосновение с духовным миром героев его исследований, их нравственное влияние. Пожалуй, Сергей Сергеевич воспринял то лучшее в русских либералах XIX — начала XX в., что может впитать равнодушный и любящий эту тему исследователь.

Секиринский с некоторым сарказмом раскритиковал и мои первые, ещё студенческие, научные работы, и выбранную тематику исследований — исто-

²⁶ Секиринский С.С., Филиппова Т.А. Родословная российской свободы. М., 1993; Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России. Очерки истории (середина XIX — начало XX в.). М., 1995.

рию анархо-синдикалистской мысли России начала XX в. Её идеологи показались ему сектантами, а их взгляд на социально-политические проблемы своего времени — слишком узким. Но как бы ни были анархисты далеки от его предпочтений, Секиринский счёл нужным учесть увлечённость будущего аспиранта. В результате мы смогли согласовать тему, близкую и мне, и Сергею Сергеевичу: в диссертации предстояло осветить то, как анархистские публицисты начала XX в. оценивали роль интеллигенции в революции. В сентябре 2007 г. она была успешно защищена.

Как научный руководитель Сергей Сергеевич был абсолютно чужд всякого менторства, далёк от стремления навязывать ученику свои оценки и подходы к изучению исторических явлений. Он допускал самую широкую автономию соискателя в выборе исследовательских проблем, проработке литературы и источников. Не раз он говорил о том, что именно это помогает выработать навыки самоорганизации, внутреннюю дисциплину. Вместе с тем Секиринский проявлял неравнодушный, глубокий интерес к исканиям учеников, приучал их оттачивать как саму мысль, так и стиль её изложения, нещадно боролся с многословием, предостерегал от излишнего перфекционизма. Ненавязчиво, но регулярно поторапливая с завершением отдельных глав и всей работы, он как будто старался объяснить, что кандидатская диссертация — лишь один из экзаменов на право называться историком, но вовсе не венец, скорее начало, а не итог пути в науке. Это испытание следовало сдать на отлично и затем продолжать движение, воплощая самые смелые планы. Он не любил, когда аспирант затягивал сроки, и искренне обижался на тех учеников, кто вопреки его ожиданиям так и не дошёл до защиты.

Сергей Сергеевич был всегда открыт для консультаций, перераставших в душевные беседы. Иногда они велись по телефону и продолжались более получаса. Приглашал он и к себе домой, на север Москвы, где за чашкой чая демократично, с юмором критиковал, советовал, высказывал пожелания. Со свойственной ему отзывчивостью он не оставался равнодушным и к обстоятельствам личной жизни учеников, старался выслушать, помочь советом. Так, ссылаясь на собственный опыт, он объяснял, куда лучше устраиваться на работу, чтобы иметь время на написание диссертации. И главное — Сергей Сергеевич внимательно и бережно относился к человеческой жизни. Однажды, услышав о том, что я просидел полночи над одной из глав, он сказал: «Дима, прекратите это! В случае чего, эта работа Вам даже эпитафией не послужит». Он был прав, но как жаль, что сам себя не жалел. Творческая энергия переполняла его, искала выхода. Преподавание в ГУГН, редактирование статей для «Российской истории», выступления на конференциях, воплощение оригинальных проектов, исследовательская деятельность — всё это давало прекрасные плоды, приносило радость коллегам, студентам, читателям, но требовало колоссальных затрат времени и сил.

В 2004 г. Сергей Сергеевич вместе с издателем Л.С. Слуцкиным приступил к выпуску журнала «Историк и Художник». Он был не только главным (и единственным) редактором, но и фактическим организатором, душой этого издания, а также клуба его читателей, периодически собиравшегося в одной из московских школ в Палашевском переулке или в Доме-музее А.И. Герцена на Сивцевом Вражке. На каждую встречу приглашались выдающиеся историки — А.Б. Давидсон, О.В. Будницкий, В.П. Булдаков, В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, А.А. Левандовский и многие другие. Иногда выступали деятели культуры,

демонстрировавшие документальные фильмы или представлявшие свою очередную книгу. Больше всего запомнились режиссёр Е.В. Цымбал и художник, писатель Э.С. Кочергин. Как правило, тут же устраивались викторины: разыгрывался новый номер журнала, достававшийся тому, кто правильно отвечал на главный вопрос вечера. Разворачивались дискуссии, порой высказывались достаточно острые критические замечания. Сергей Сергеевич вёл эти заседания с присущим ему артистизмом и юмором. В их проведении ему часто помогали жена Ольга Леонидовна и сын Денис Сергеевич. Как правило, зал был переполнен. Среди зрителей находились не только историки из академических институтов и университетов, но и учителя, студенты, школьники. Под конец за бокалом вина в непринуждённой атмосфере можно было потолковать с коллегами, обсудить научные проблемы.

После защиты мною диссертации Сергей Сергеевич по-прежнему охотно поддерживал общение, давал советы, спорил. Рассуждал о политических событиях, за которыми внимательно следил. Однажды мы долго говорили по телефону о «партийности» современных интеллектуалов и русских интеллигентов второй половины XIX — начала XX в. Сергей Сергеевич писал тогда статью «“Направленчество” или “внепартийность”»²⁷, и цитировал целые пассажи из статей дореволюционных авторов, явно проводя параллели с нашим временем.

Мне казалось, что в то время Сергей Сергеевич начинал уже тяготиться редакционной работой. Иногда приходилось слышать жалобы на то, что она отнимает огромное количество времени и у него не остаётся сил, необходимых для научных изысканий. Но его назначение главным редактором «Российской истории» весной 2012 г. воспринималось всеми как радостное событие, открывшее перед ним новые возможности и перспективы. Не возникало сомнений, что он лишь достиг вершины и его творчество переживает полный расцвет, который не скоро ещё завершится.

В ноябре 2012 г. я оказался в Санкт-Петербурге. Неожиданно прозвучал звонок, мобильная связь была отвратительной. В трубке едва различимый голос произнёс фамилию Секиринского. Я обещал перезвонить, но в суете так и не сделал это. Никто не мог бы предположить, что речь шла о смерти человека, на которого возлагали столько надежд. И только вернувшись в Москву, я узнал, что Сергея Сергеевича больше нет.

С.С. Секиринский являлся талантливым историком-новатором, писавшим с литературной изысканностью настоящего мастера слова, а также незаурядным педагогом, у которого хотелось учиться, и продолжателем свободолобных традиций русской интеллигенции XIX — начала XX в. Всем этим он напоминал почитавшегося им В.О. Ключевского — великого русского историка, художника и либерала. Наконец, Сергей Сергеевич был просто обаятельным, добрым и отзывчивым человеком. Близкое знакомство с ним — большая удача, о которой вспоминаешь с чувством благодарности.

²⁷ *Секиринский С.С. «Направленчество» или «внепартийность»: два подхода к изучению русской общественной мысли // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. Материалы международной научной конференции (Москва, 28–29 октября 2010 г.). М., 2011. С. 99–110.*